

10
Уильям **ТАУБМАН** (США)
«То взлет, то падение»

13
Владислав **ЗУБОК** (США)
Драчливый премьер

20
Леонид **МАКСИМЕНКОВ**
Кто вы, мистер Хрущев?

26
«Ну, идите, показывайте мне свою мазню»

33
Вадим **ЭРЛИХМАН**
Этюд в черно-белых тонах

40 ЛЕТ БЕЗ ХРУЩЕВА

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Уильям ТАУБМАН (США)

«То взлет, то падение»

Личность Хрущева и история

Почти 15 лет своей жизни американский профессор Уильям Таубман посвятил изучению жизни Хрущева. Многолетний труд увенчала объемистая монография, вышедшая в прошлом году одновременно в США и Великобритании. Книга стала настоящим бестселлером и готовится к печати в России. По нашей просьбе для читателей журнала «Родина» профессор Таубман написал статью, в которой он пытается оценить личность Хрущева.

Пмятник, сооруженный на могиле Хрущева по проекту скульптора Эрнста Неизвестного, состоит из двух плит. Сочетание черного и белого камня вместе с застывшим в бронзе мучительно-болезненным выражением лица удивительно точно передает противоречия личности Хрущева. Родившись в бедной крестьянской семье, он проучился в школе не более двух-трех лет, но тем не менее стал одним из ближайших соратников Сталина и даже занял его место. Соучастник сталинских преступлений, Хрущев встал против вождя и развенчал его на XX съезде КПСС. Искренне веря в марксизм-ленинизм, он хотел очистить социализм от пятен сталинизма, но начатая им кампания де-сталинизации в конечном счете привела к краху советской системы в 1991 году. Хрущев стремился сдерживать гонку вооружений и улучшить отношения с Западом, но именно он спровоцировал наиболее опасные кризисы «холодной войны» — Берлинский и Кубинский. Он действительно заботился о своем народе и стране, но к моменту его отставки в 1964 году его уже не ценили и даже презирали.

Как объяснить эти противоречия? Ответ, вероятно, лежит в плоскости взаимоотношений человека и истории, в характере Хрущева и обстоятельствах жизни, формировавших его

и которые формировал он сам. Проблема роли личности в истории чрезвычайно сложна. Для одних история — это жизнеописание великих людей. Другие же обращают внимание на влияние более глубоких, внеличностных сил, будь то экономические, социальные, политические или идеологические факторы. Вопрос об историческом детерминизме особенно актуален, когда речь заходит о России. Еще недавно господствовавшая там марксистская идеология постоянно подчеркивала примат экономики над всем остальным. Однако именно в России роль отдельных личностей достигала трудновообразимой силы и немислимого влияния на события. Без Ленина и его маниакального стремления к власти большевистская революция вряд ли произошла бы в 1917 году. Это же можно сказать и о сталинской «революции сверху». Хотя она и была поддер-

жана многими внутри партии, именно Сталин превратил ее в кампанию террора, продолжавшуюся почти два десятилетия.

В этом плане Хрущев, возглавлявший партию и страну с 1953 по 1964 год, внешне не выглядит все определяющим лидером. Не случайно, конкуренты в борьбе за власть — Лаврентий Берия, Георгий Маленков и Вячеслав Молотов — не относились к нему серьезно, пока он всех их не победил. К моменту своей позорной отставки в октябре 1964 года Хрущев испортил отношения практически со всеми своими сторонниками. На Западе же он больше всего запомнился после случая с ботинком, которым стучал по столу во время сессии ООН. Правда, последние исследования доказывают, что он скорее размахивал им, но не стучал¹. И все же, на мой взгляд, Хрущев представляет собой класси-

ческий образец воздействия личности на историю.

Людей подобного плана отличают три главных качества. Во-первых, они обладают огромной властью. Это замечание кажется тривиальным, однако советская система управления позволяла иметь власть, трудносопоставимую с другими режимами, особенно либерально-демократического толка. Во-вторых, деятель исторического масштаба поступает не так, как любой другой на его месте. Иными словами, он не плывет по течению и не действует согласно общепринятым представлениям. В-третьих, он способен поступать странно, порой иррационально, что может навредить его делу и карьере.

В каком-то смысле Хрущев являлся собой архетип советского человека. Множество рабочих и крестьян выдвинулись после Октябрьской революции. Хрущев был отнюдь не единственным из бедняков, кто достиг вершин власти. К примеру, Климент Ворошилов и Лазарь Каганович также происходили из беднейших слоев. Некоторые реформы, ассоциирующиеся с именем Никиты Сергеевича, поддерживали многие его коллеги. Но зададимся вопросом: мог ли кто-нибудь еще, кроме Хрущева, выступить на XX съезде с критикой Сталина? Возможно, циничный Берия, но к тому времени он уже был казнен. Все же остальные высшие деятели партии или вовсе не хотели никакой десталинизации, или были слишком осторожны. Больше всех поддерживал Хрущева Анастас Микоян, но и он не мог действовать без Хрущева.

Или возьмем «Карибский кризис» 1962 года. Осмелился бы кто-либо еще из Президиума ЦК КПСС послать на Кубу ракеты, способные поразить США? И мог ли кто-либо так быстро их оттуда вывезти, когда президент США Джон Кеннеди стал угрожать, что нападет на Кубу и уберет ракеты силой? Многие советские лидеры, вероятно, согласились бы отступить перед лицом американского вторжения, но совершенно определенно никто из них не решился бы спровоцировать подобный кризис.

Что же касается качества иррациональности, то оно проявлялось в деятельности Хрущева вереницей впечатляющих достижений и не менее серьезных ошибок. Взлет к вершинам власти при Сталине — это удивительная история успеха, ведь даже для то-

го, чтобы пережить его, требовались немалые усилия, не говоря уже о борьбе за Кремль после смерти вождя. Когда в марте 1953 года формировался новый состав Президиума, Хрущев шел пятым после Маленкова, Берии, Молотова и Ворошилова. Вряд ли кто-либо в СССР или за его пределами был в состоянии предвидеть, что он обойдет всех. Прошло всего два с половиной года, и Берия уничтожен, Маленков понижен в должности, а Молотов подвергнут резкой критике. Вместе с тем путь Хрущева к триумфу был вполне предсказуем. Подобно Сталину в 1920-е годы, он сумел привлечь на свою сторону аппарат Коммунистической партии и использовал его в борьбе против своих противников. Но главная загадка не в том, как именно Хрущев это делал, а в том, почему товарищи по партии позволили ему это. Единственный ответ — они все его недооценили.

Речь Хрущева на XX съезде стала его самым смелым и одновременно самым опрометчивым поступком. После этого ни Хрущев, ни советский режим так никогда и не оправались. Разумеется, за подобной акцией стояли определенные политические расчеты — ниспровергая Сталина, новый лидер спасал свою репутацию и дискредитировал оппонентов. Но нельзя сбрасывать со счетов чувства вины, стыда и даже гнева, раздиравшие Хрущева за то, что он участвовал в репрессиях сам или по принуждению вождя. Еще в 1940 году в беседе с другом детства Никита Сергеевич отрицал причастность к убийству Кирова, Тухачевского и Якира и поклялся, что придет время и он «расквитается с этим Мудакшвили»². Когда же на закате жизни его спрашивали, о чем он больше всего сожалеет, Хрущев отвечал: «Кровь людей. Это самое страшное, что отягощает мою душу»³. Микоян заявлял, что он подталкивал Хрущева к критике Сталина, и жаловался, что все заслуги Никита приписал себе и не желал делиться славой⁴. И все же, несмотря на советы, действовал только Хрущев: именно он настоял на речи, он ее зачитал, и он запустил механизм массового освобождения заключенных и их последующей реабилитации.

Беда в том, что Хрущев не задумывался о возможных последствиях. Он не предвидел реакции на свою речь, не был готов к десталинизации снизу и, соответственно, не настроил партийных функционеров и пропаганди-

стов на шквал вопросов и волну критики после оглашения результатов съезда. Какое-то время спустя он даже был вынужден отступить, о чем свидетельствует резолюция ЦК от 30 июня 1956 года, мало чем напоминавшая выступление на съезде. Но резолюции было недостаточно, чтобы прекратить брожение в Восточной Европе. После советской интервенции в Венгрии уже в самом СССР были зарегистрированы протесты, и, согласно новым данным, несколько сотен человек привлечены к уголовной ответственности⁵. До последних дней нахождения у власти позиция Хрущева в вопросе десталинизации так и осталась непоследовательной. Особенно это заметно на примере интеллигенции.

Хрущев не был инициатором «оттепели». Складывается впечатление, что между 1953 и 1957 годами партийное руководство не имело ясной позиции о том, до какой степени необходимо контролировать художественную интеллигенцию. Красноречивы также известные тирады Хрущева в адрес писателей и художников и его злобная кампания против Бориса Пастернака, опубликовавшего на Западе роман «Доктор Живаго». Вместе с тем именно Хрущев разрешил публикацию поэмы Твардовского «За далью даль», стихотворения Евтушенко «Наследники Сталина» и повести Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Артистическая и научная интеллигенция являлась естественным союзником в процессе десталинизации страны, однако и она отвернулась от Хрущева к моменту его отставки.

Сельское хозяйство было другой областью, где промахи и ошибки затмили собой кое-какие достижения. Еще в 1953 году, вслед за Маленковым, Хрущев предложил ряд реформ (повышение закупочных цен, снижение налогов, увеличение приусадебных участков). Будучи по натуре практиком, он вполне мог воплотить их в жизнь, но по идеологическим соображениям противился главному — освобождению крестьян от наиболее суровых тягот насильственного коллективизма. Амбициозная программа освоения целинных земель вопреки оппозиции Молотова, навязанная стране Хрущевым через решение Президиума ЦК, обещала дать быстрые результаты с помощью простых идеологических средств. У молодежи, поехавшей в Западную Сибирь

и в Казахстан, культивировали идеалистические представления о великой социалистической стройке. В действительности же их ждали тяжелейшие испытания. Очень скоро целинные урожаи упали, оставив после себя экологическую катастрофу. Хрущев же упорно отказывался от какого-либо поощрения индивидуальных хозяйств. Он инициировал пресловутую кампанию по выращиванию кукурузы, которую пытались сажать даже в районах Крайнего Севера, где она просто не могла расти. Ситуация усугублялась постоянными реорганизациями партийного и государственного аппарата, разделенного в итоге по промышленному и сельскохозяйственному принципу.

Список внешнеполитических удач Хрущева выглядит более внушительно, но и в нем немало серьезных промахов. Стремление советского лидера ослабить международную напряженность привело к нескольким встречам на высшем уровне и закончилось договором 1963 года о частичном запрете ядерных испытаний. Однако в ноябре 1958 года Хрущев спровоцировал кризис вокруг Берлина, выставив западным державам ультиматум, согласно которому они должны были или признать ГДР, или столкнуться с односторонним пересмотром Потсдамских соглашений. При этом сам Хрущев не совсем ясно понимал, чего же, собственно, он хочет и как собирается преодолеть возможные препятствия в лице западно-германского канцлера Конрада Аденауэра и французского президента Шарля де Голля. Решение послать ракеты на Кубу также было непродуманным. Хотя Хрущев и пытался выдать это за результат коллективного творчества, на самом деле он ни с кем не советовался. Когда в конце концов он вынужденно согласился вывести ракеты с Кубы, то стремился представить это своим триумфом. По словам же П. Н. Демичева, Хрущев бравировал, а в душе понимал, что проиграл⁶.

В отношениях с Китаем также преваляло неудачи. Преисполненный решимости наладить с Мао Цзэ-дунем более продуктивные контакты, чем Сталин, Хрущев с 1953 по 1956 год оказывал Пекину огромную технологическую, дипломатическую и военную помощь. Однако уже к концу 1956 года Мао пришел к выводу, что Хрущев неправильно трактует

сталинский вопрос, и два лидера не на шутку разругались во время их встреч в 1958 и 1959 годах. Хрущев надеялся на роль ненавязчивого учителя. Тем неприятнее для него стало неблагодарное, снисходительно-надменное поведение Мао, смотревшего на него, как на неопытного новичка. Никита Сергеевич взял реванш в 1960 году. Менее чем за месяц он вывез из Китая всех советских специалистов, разорвал сотни взаимных проектов и контрактов.

Итак, фигура Хрущева была решающей в формировании внутренней и внешней политики. Но как понять и оценить его характер? Первое, что бросается в глаза, это резкий контраст его поведения до и после прихода к власти. В качестве борца за власть Хрущев добился большего. Многие личные качества работали на его успех. Среди них — амбициозность, которую он не без успеха пытался скрывать; удивительная энергичность и умение рисковать; восприимчивость к новому; самоуверенность, демократичность и популизм. Начиная с 1957 года характер Хрущева меняется к худшему. Со слов дочери, он перестал воспринимать критику и неприятные новости. Он часто стал говорить: «Хватит! Не говорите мне больше об этом. Я устал от этого. Не хочу больше и слышать об этом»⁷.

Во время подготовки встречи в верхах в Вене в 1961 году ЦРУ США поручило группе из двадцати психиатров и психологов проанализировать личность Хрущева. Их выводы свелись к концепции гипомании⁸. Современный справочник по психологии называет это «синдромом, близким, но не тождественным и не столь серьезным, как мания», который чаще всего ассоциируется с неустойчивостью настроения и быстрыми переходами от гнева к депрессии⁹. Выделяя черты гипомании, американский аналитик невольно очень точно описывает Хрущева: «Возвышенно настроенный, остроумный и энергичный. Чрезмерно жизнерадостный, сверхоб-

щительный и трудолюбивый. Легко идеализирует других. Не любит оставаться один. Не расположен к последовательной и систематической деятельности. Полон грандиозных планов. Легко обходится без воды и пищи. Почти все время на подъеме... пока полностью не истощит себя»¹⁰. Возможно, еще проще высказалась жена Хрущева, Нина Петровна: «У него всегда так — то взлет, то падение»¹¹.

Даже если это и была гипомания, то, разумеется, кроме нее есть и другие черты характера, которые позволяют объяснить поведение Хрущева. Так, несмотря на недостаточное образование, он был чрезвычайно честолюбив. Факт отсутствия культуры по своему объясняет его головомучительный взлет. Выдавая себя за простака, Хрущев играл роль своеобразного шута в ближайшем сталинском окружении. Но раз ему удалось сыграть эту роль настолько хорошо, что даже параноик Сталин ему доверял, а будущие противники относились к нему несерьезно, то это в какой-то степени доказывает, что он и был простачком. Хотя Хрущев и достиг самого верха, он оказался совершенно не готов к руководству такой огромной страной, фактически трансконтинентальной империей. Со временем он увяз во внутренних и внешних проблемах. По мере их обострения он запутался в собственных авантюрах, которые провоцировали его еще на больший риск. Это продолжалось до тех пор, пока его бесцеремонно не изгнали в 1964 году.

В конце жизни Хрущев говорил, что после смерти, когда будут оценивать его деятельность, он надеется, что хорошее перевесит плохое¹². Попытка низвержения Сталина, способствовавшая во многом последующему краху коммунизма, может служить покаянием. Но перевешивает ли подобный позитивный вклад в русскую и мировую историю его грехи и ошибки? Об этом судить читателям.

Перевод Сергея Кудряшова

Примечания

1. Taubman W. Khrushchev: Man and his Era. New York. 2003. P. 657.
2. Интервью автора с Ольгой Косенко, дочерью друга детства Никиты. Донецк, июнь 1991 года.
3. См.: Н. С. Хрущев (1894–1971): Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Н. С. Хрущева. М. 1994. С. 39.
4. Микоян А. И. Так было. М. 1999. С. 590–591.
5. Данные приведены В. П. Наумовым. См.: Nikita Khrushchev. New Haven, Conn. 2000. P. 109.
6. Интервью автора с П. Н. Демичевым. М. Август 1993 года.
7. Интервью автора с Радой Аджубей. М. Июнь 1991 года.

8. Один из психиатров подробно описал этот анализ в статье. См.: Wedge B. Khrushchev at a Distance: A Study of Public Personality Trans-action. 1968. October. P. 24–28.
9. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders. Washington. 1980. P. 206–207.
10. McWilliams N. Psychoanalytic Diagnosis. New York. 1994. P. 248.
11. Нина Петровна высказалась так в беседе с Джейн Томпсон, женой американского посла в Москве. Автор записал интервью с Джейн в Вашингтоне в марте 1983 года.
12. См.: Хрущев Н. С. Воспоминания. Время, люди, власть. Т. 1. М. 1999. С. 4.